

З.У. Махмудова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В КОСТЮМЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Два последних десятилетия стали временем, когда изучение традиционной материальной культуры народов Северного Кавказа не являлось для ученых (этнологов и культурологов, прежде всего) приоритетным и востребованным в силу различных причин. Драматичные и во многом противоречивые события начала 1990-х годов вывели на первый план исследование сюжетов, далеких от покроя платьев, украшений и орнаментов. Усилия исследователей были направлены на осмысление актуальных социальных и этнополитических процессов в регионе Северного Кавказа. Между тем исчезновение как явных, так и негласных запретов на исследование проблем, связанных, например, с религиозной жизнью общества и его отдельных групп, открывало новые научные перспективы. Но даже в этих условиях материальная культура по-прежнему казалась чем-то излишне традиционным, ассоциированным с наследием советской этнографии. В глазах многих ее исследование представлялось даже своеобразной «женской», а стало быть, легковесной «по определению» тематикой.

На самом деле исследование значимых аспектов динамики именно материальной культуры может пролить свет на содержа-

ние важных процессов, которые происходят в глубинах социума. Эволюция форм, образов материальных объектов, восприятие их людьми, отношение к ним — все это может сказать о состоянии общества не меньше, а порой и больше, чем результаты формализованных социологических опросов.

Не случайно в этой связи то, что предпринятое Институтом этнологии и антропологии РАН издание серии «Народы и культуры» в значительной степени способствовало мобилизации исследователей в направлении именно традиционной этнографии, которая отнюдь не утратила своего научного потенциала. Современная этнология и социальная антропология как комплексное изучение общества не могут быть полновесными, если не будут содержать разделы, посвященные одежде, системе питания, жилищу, вообще повседневной жизни людей.

В качестве соавтора я участвовала в подготовке и написании разделов «Одежда» для томов «Ингуши» [Албогачиева, Махмудова 2012: 207–223] и «Карачаевцы. Балкарцы» [Сергеева, Махмудова, Каракетова 2014: 243–265]. Именно опыт сотрудничества с коллегами в подготовке изданий этой серии и дал импульс дополнительным размышлениям о научно-методологических проблемах, которые встают перед исследователями.

Знакомство с соответствующими текстами уже вышедших в свет «кавказских» томов серии, в свою очередь, позволило сравнить новые публикации еще и с материалом, представленным в известном издании «Народы мира» (под общей редакцией С.П. Толстова) [Народы Кавказа 1960; Народы Кавказа 1962]. Уже это простое сравнение подталкивало к мысли об оценке общих итогов развития этнологических исследований костюма в отечественном кавказоведении в последние годы.

Мне кажется, что известный сегодня набор методов историко-этнологического анализа (сравнительный, хронологический) не может обеспечить всей полноты ответов на множество вопросов, связанных как с совпадениями в тенденциях развития костюма у различных народов, так и с серьезными различиями в этом процессе, проявившимися в одну и ту же эпоху.

В отдельной статье, конечно, невозможно проанализировать весь спектр проблем — и оставшихся от предшествовавших исследований советского времени, и вновь возникших. Сейчас разумно поставить лишь одну из них — соотношения общего и особенного. К ней, по понятным причинам, примыкает еще целый комплекс немаловажных сюжетов: выявление этнических маркеров, взаимодействие древней традиции и новаций последних лет.

Тот или иной подход к решению этой проблемы просто необходим, как представляется, для любого исследователя, занимающегося регионом, в котором полиэтничность и весьма плотная среда сосуществования близких, но нетождественных этнокультурных пластов — едва ли не главная черта.

Сразу же стоит отметить, что эта проблема («общее–особенное») для населения горного Дагестан стоит не так остро. Женский костюм проживающих там народов в основе своей довольно древний, имеющий при этом очень много локальных вариантов. Их существование проявляется главным образом за счет разнообразных сложных женских головных уборов, которые всегда служили этническими маркерами. Существование этих отличительных черт женского костюма, возможно, связано с традиционной для Дагестана эндогамией.

Хорошо известный и изученный приталенно-распашной крой одежды народов Северного Кавказа появился заметно позднее, чем получили распространение весьма архаичные туникообразные платья народов горного Дагестана [Шиллинг 1949: 47]. Однако многие современные исследователи считают, что основные, легко узнаваемые элементы северокавказского костюма (прежде всего мужские бешметы и черкески, а также женские кафтанчики и платья распашного кроя с металлическими нагрудниками и поясами) сложились уже в позднем Средневековье. Некоторые детали традиционного народного костюма имеют аналогии с археологическими памятниками Северного Кавказа, относящимися к более раннему времени.

Вторая оговорка при постановке проблемы соотношения общего и особенного состоит в том, что мужской костюм целе-

сообразно и вовсе оставить в стороне. По меткому замечанию С.А. Арутюнова, «Кавказ — это совокупность государств, где свободные мужчины носят черкеску» [Арутюнов 2012: 35]. Действительно ни специалист, ни тем более человек, далекий от этнологии, в большинстве случаев по черно-белой фотографии мужчины в черкеске и папахе (если отсутствует подпись) не сможет определить, представитель какого именно северокавказского народа перед ним. Если на тулью папахи намотан кусок белой материи (наподобие чалмы), то, вероятно, специалист скажет, что это мусульманин, поскольку такой головной убор часто носили люди, совершившие хадж. А неспециалист и вовсе не обратит на это внимания.

Вот, собственно, и все, что лежит на поверхности. А ниже, следующим «слоем», так сказать, и находится проблематика разделения общего и особенного — как для просвещенного исследователя, так и для не вполне искушенного человека. Свое видение этого проблемного узла хочу предложить в виде следующих тезисов.

1. Начиная работу по изучению традиционной одежды народов Северного Кавказа, любой исследователь неизбежно обращается к классической работе Н.Е. Студенецкой «Одежда народов Северного Кавказа (XVIII–XX вв.)», изданной в 1989 г. Евгения Николаевна Студенецкая (1908–1988) [Список основных работ... 1988] более 40 лет заведовала отделом этнографии Кавказа ГМЭ народов СССР (ныне — РЭМ), была прекрасно знакома с коллекциями музея. Более того, в ходе многолетних полевых экспедиций она имела возможность наблюдать особенности бытования традиционного костюма в различных жизненных ситуациях. Многие специалисты сегодня искренне убеждены в том, что сделать больше, чем сделала Е.Н. Студенецкая, уже вряд ли возможно. Действительно, без многочисленных ссылок на эту работу не обходится ни один серьезный исследователь народного костюма. При этом зачастую книга воспринимается не только как профессиональная монография, но и как источник. Ни в коей мере не умаляя заслуг Е.Н. Студенецкой и отдавая должное ее фундаментальной работе и вкладу в этнографию Кавказа, стоит все же обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, очевидно, что работа имела «региональный» характер, т.е. была обобщающей, что и следует из самого названия книги. В таких случаях, как правило, равноценно осветить все локальные особенности культур не представляется возможным. Кроме того, в основу концепции монографии был положен тезис о том, что формирование одежды народов Северного Кавказа, по сути, представляет собой «распространение и адаптацию комплекса кабардинского аристократического костюма» [Дмитриев 2009: 19]. Задача же авторов, работавших над соответствующими разделами кавказских томов серии «Народы и культуры», была совершенно другой. Следовало идти как раз в противоположном направлении — т.е. попытаться показать (насколько это вообще возможно) явные отличия, особенности костюма того или иного народа Северного Кавказа как особой этнической общности.

Во-вторых, исключительно широкие хронологические рамки исследования предполагали использование различных источников и, соответственно, разных методологических подходов. Ведь у Е.Н. Студенецкой речь идет о поиске общих для региона векторов эволюции костюма на основе спектра источников — от археологических материалов и музейных коллекций до семейных фотоархивов и модных журналов XX в.

Вот здесь и возникают первые сложности. Дело в том, что материалы по одежде народов Кавказа весьма неравноценно представлены в музейных коллекциях. Это и заметно в книге Е.Н. Студенецкой, и отчетливо проявилось, например, во время подготовки тома «Ингуши» (М., 2013). Музейных коллекций, в полной мере отражающих динамику развития традиционного костюма, не так уж и много. Подробно и точно атрибутированных вещей, которые бы служили надежной опорой для исследования, доказательством того или иного положения, существует еще меньше.

Методология изучения современных тенденций в развитии костюма, очевидно, требует дальнейшей разработки. Поэтому, несмотря на то что XX в. обеспечен источниками значительно лучше, чем более ранние эпохи, он все же явно недостаточно

представлен и Е.Н. Студенецкой, и современными исследователями костюма народов Северного Кавказа.

2. Первым из «северокавказских» томов серии «Народы и культуры» увидел свет том «Осетины». Л. Гостиева в своем исследовании осетинского костюма опиралась и на положения, выдвинутые Е.Н. Студенецкой [Гостиева 2012: 237–267]. Это означало, что авторы следующих томов серии, чтобы избежать повторов, должны были выбрать несколько иные концепции. Б. Абдулвахабова, автор раздела «Одежда» в томе «Чеченцы», несколько расширила хронологические рамки и, используя археологическую реконструкцию, показала костюм более раннего (XVI–XVII вв.) периода [Абдулвахабова 2012: 236–264]. Принято считать, что традиционный костюм — это комплекс одежды, сложившийся в XIX — начале XX в. А почему только так? Что мы можем сказать о костюме XVI в.? Ведь ясно, что костюм XIX в. складывался не «с нуля», какие-то (если не многие) его элементы существовали и ранее.

Здесь неизбежно возникает вопрос о том, что считать традицией в костюме, какова должна быть временная «глубина» для оценки ее существования как основы (если таковая вообще была), к которой со временем примыкали те или иные новации и в которой проявлялись малые этнокультурные и локальные отличительные черты. Имеющиеся источники позволяют судить о том, что локальных различий в костюме народов Северного Кавказа в XVII–XVIII вв. было все же больше, чем в конце XIX в., когда развитие костюма начало испытывать разноплановое влияние тенденций моды, в том числе и приходивших в регион издалека, присущих иным укладам жизни и быта.

Это предположение в известной мере подтверждают и данные по Ингушетии. Вот пример. Большой интерес исследователей вызывал традиционный женский головной убор кур-харс, который встречался в ингушских захоронениях начиная с XVI в. Впервые обнаружил этот головной убор в наземных склепах Л.П. Семенов, работавший в горной Ингушетии в 1925–1932 гг. Он дал его описание и выяснил старинное название головного убора — кур-харс. Сведения о нем содержатся и в работе

Е.И. Крупнова, который прямо говорит о том, что «подобные женские головные уборы не известны в соседних районах и, очевидно, носились в недавнем прошлом только ингушскими женщинами». Е.И. Крупнов считал кур-харс в сочетании с височными кольцами этническим маркером населения горной Ингушетии. Однако уже во второй четверти XIX в. исследователи и путешественники не зафиксировали бытование кур-харса на территории Ингушетии [Крупнов 1971: 102].

Не случайно современные исследователи пробуют найти тот путь описания и объяснения эволюции костюма, который бы связывал известный по археологическим материалам ранний период его развития и судьбу традиции в XX в. Так было в случае с сюжетом об одежде ингушей [Албогачиева, Махмудова 2013].

Иначе представлен материал по одежде для издания «Кара-чаевцы. Балкарцы» [Сергеева, Махмудова, Каракетова 2014: 243–265]. Здесь авторы стремились показать не только и не столько, условно говоря, некую «общекавказскую», региональную традицию как первооснову, на которую опиралось развитие костюма этих народов. Напротив, они постарались сделать акцент именно на «особенном», на субрегиональной, а то и на локальной специфике одежды.

Такой подход представляется вполне объяснимым и, более того, востребованным. Сегодня очевидно, что на Северном Кавказе многие народы желали бы воссоздать свою правдивую историю в самом широком понимании этого термина — от этногенеза до истории художественного творчества.

Ясно просматривается желание представителей многих народов иметь и «свои» символы в области материальной культуры — такие, о которых уверенно можно было бы сказать: «Это наш костюм, наши украшения, наш орнамент».

Действительно, есть вещи, которые распространяются по региону в целом, «перетекая» через этнические, конфессиональные и иные границы, в итоге становясь как бы общими для всего региона, и воспринимаются именно как таковые. Но есть и вещи (предметы материальной культуры), которые четко «привязаны»

к конкретной этнической или этноконфессиональной группе. В случае с эволюцией культуры карачаевцев и балкарцев задача как раз и заключалась в том, чтобы найти ряд именно таких вещей и определить ареал их бытования, их роль в костюме как комплексе. Иными словами — попытаться определить существенные этнические маркеры традиционного карачаево-балкарского женского костюма.

В этой же связи при обсуждении вопроса о том, как общее сосуществует и взаимодействует с особенным, стоит поставить и такую научную проблему: как работает механизм внешних заимствований, каковы бывают результаты «стыковки» внешних новаций с основой традиционного костюма.

Можно указать и на то, что сам факт заимствования далеко не все исследователи готовы признать. Например, по мнению Е.Н. Студенецкой, чрезвычайно сильное влияние на эволюцию костюма многих народов оказала Кабарда — своеобразная «законодательница мод» для всего Северного Кавказа (исключая Нагорный Дагестан). С этим устоявшимся в науке утверждением, как оказалось, сегодня далеко не все согласны. Очень часто в современных культурологических студиях и особенно в публицистике просматривается стремление представителей едва ли не всех народов Северного Кавказа увидеть и зафиксировать «только свои» символы именно в предметной сфере, в том числе и в костюме.

Проблему оспаривания заимствований в элементах костюма и способов «трансляции» модных тенденций из одного источника на целый регион мы предпочтем оставить в стороне. Укажем только на важный для нашей проблемы аспект. Как вычленение заимствований, так и подчеркивание (иногда на грани изобретательства) этнической специфики, декларации о «нашем исконном» мало что значат без научно обоснованных доказательств. Пример сложностей представления именно научных версий объяснения бытования той или иной особенности костюма — это трудный поиск того, что (с определенной долей условности) представляется традиционным, неслучайным и не является явным заимствованием. Эти качества, очевидно, основные для

того, чтобы предмет, ими обладающий, мог претендовать на роль этнического маркера. Более того, если речь идет о регионе со множеством развитых производственных центров, идеалом должна быть вещь, произведенная местными мастерами.

При подходе к этой сфере предпринятого исследования методологически целесообразным представлялось поступить таким образом.

Сначала проследовать по обычным векторам, как бы «разделив» весь комплекс костюма на ключевые элементы — предметы верхней и нижней одежды, аксессуары, украшения, орнаменты, обратить внимание на взаиморасположение предметов.

Следующий этап — компаративистика в самой простой форме, т.е. сравнение этих элементов со сходными и хорошо известными (атрибутированными) предметами, принадлежащими соседнему, но явно иному этнокультурному пласту. Все это возможно, конечно, только в том случае, если мы располагаем неким достаточным, репрезентативным набором точно и профессионально атрибутированных вещей. Иными словами, в таком деле без музейных коллекций просто невозможно обойтись. К слову сказать, с опорой именно на музейные коллекции была написана весьма информативная статья Л.И. Рославцевой об одежде крымских татар [Рославцева 2003: 266–285].

Наконец, третий методический шаг (этап) может быть таким. Уловив отличия внутри одного «класса» предметов, исследователь может (и должен) воссоздать обновленную полную картину костюма. В этой картине этнические маркеры (то самое искомое нами особенное, специфическое для того или иного народа) представим в виде точек или звездочек. Как на схематизированных рисунках звездного неба, наши точки-«звезды» можно соединить, как принято, пунктирными линиями. Эту сводную схему-«созвездие» теперь можно попробовать совместить с общим контуром традиционного костюма. В идеале может получиться более или менее завершенный образ, в котором специфика (этническая, локальная) уже не потеряется на фоне общерегионального, не «утонет» среди действительно похожих друг на друга крупных элементов костюма.

Ясно, что такой подход таит известные сложности, чреватые даже опасностью впасть в соблазн «бесконечной индукции» — сравнения всех предметов со всеми якобы для выделения особенностей и выведения неких общих закономерностей. Это методологически избыточный путь. Вполне достаточно найти хотя бы один-два — но значимых, осязаемых — примера самого существования этнических маркеров и доказать их бытование и сохранение именно в таком качестве и роли.

Однако в случае наших коллективных усилий в работе по подготовке тома «Карачаевцы. Балкарцы» сразу стало ясно: чтобы вычлнить что-либо действительно специфическое для костюма карачаевцев и балкарцев применительно к XIX — началу XX в., придется проделать существенную работу по сравнению предметов, представляющих различные этнокультурные пласты и даже эпохи. Но все же поиски оказались бесплодными, в значительной степени потому, что мы обратились за помощью к коллегам из РЭМ и Дагестанского музея изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой (ДМИИ).

Например, девичий костюм карачаевцев действительно имел много общего с костюмом соседних народов. Распашное платье приталенного силуэта, под которое надевался нагрудник. Высокая шапочка. Длинные, закругленные лопасти, которые прикрепляли к рукавам платья или кафтанчика в торжественных случаях девушки из простых семей, а представительницы знатных родов носили постоянно как символ праздности и свободы. Наконец серебряные пояса разнообразных видов и форм.

Платья с рукавами-лопастями получили широкое распространение на Северном Кавказе в XIX в. К слову сказать, и сегодня костюмеры северокавказских фольклорных коллективов, создающие образ-идеал кавказской девушки, предпочитают в качестве стандарта именно такое платье. (См., например, сайты ансамблей «Балкария», «Эльбрус», «Алан», «Магас» и др.) Идея создания подобных лопастей, возможно, навеяна весьма распространенными на Ближнем Востоке тенденциями и силуэтами.

Подчеркнем, что в данном случае речь идет о восприятии идеи, а не о прямом заимствовании. Именно поэтому орнамент вышивок, украшающий эти рукава, всегда только традиционный, который можно (с определенной долей условности, поскольку общие мотивы, конечно, встречались) считать этническим маркером. Так, Е.М. Шиллинг, анализируя орнамент золотошвейной вышивки адыгов, имеющий много общих элементов с подобным же орнаментом карачаево-балкарцев, писал: «Наиболее архаичный узор представлял собой ряд отдельных орнаментальных мотивов (трехлепестковая фигура, парные завитки или рога, ромб, треугольник, диск и др.), ограниченных галуном, объединяющим их в кайму. В других случаях узор имел вид зигзага или побега растения, с отходящими от него завитками, цветками, листьями. В целом рисунок крупномасштабен, редок, но вместе с тем ярко и эффектно выделяется на темном бархатном фоне и отличается оригинальностью» [Шиллинг 1940: 158–160].

Вместе с тем исследователи отмечают, что для карачаево-балкарского золотого шитья был характерен более крупный, густой орнамент, заполняющий почти все поле лопастей рукавов, борта и подол платья. Встречались, правда, и весьма изящные «легкие» вышивки. В золотном шитье, как отмечал Е.М. Шиллинг, использовался также и «тамговый узор», но тамги народов региона имеют чрезвычайно много общего. Л.И. Лавров писал: «Несмотря на то что адат строго запрещал присваивать чужие тамги, есть много примеров совпадения их формы у совершенно разных фамилий, даже у разных народов» [Лавров 1986: 105].

Как известно, в традиционной культуре всегда существуют видимые различия между девичьим и женским костюмом. Внешним показателем статуса замужней женщины у карачаевцев и балкарцев был головной убор. Он представлял собой сочетание нижнего платка с верхней шалью. Карачаевские и балкарские женщины после выхода замуж и рождения ребенка носили черный платок, повязанный особым образом — так, чтобы на темени располагался крупный узел *чох*, поверх накидывали белую шаль [Текеев 1989: 380]. Однако, как свидетельствуют источ-

ники, считать этот вид повязывания платка исключительно особенностью указанных народов нельзя (см. фото).

В определенной степени этническими маркерами можно считать нагрудные украшения и пояса, которые, как правило, составляли комплект. Нагрудник как элемент традиционного праздничного женского костюма в конце XIX — начале XX в. имел широкое бытование, он представлен у всех народов Северного Кавказа. Его надевали под распашное приталенное платье и украшали металлическими (чаще всего серебряными) декоративными застежками. Этот элемент декора костюма отличался от пуговиц. Застежки выполняли в большей степени декоративную функцию и поэтому часто являлись своего рода произведениями народного декоративно-прикладного искусства.

Поскольку в конце XIX в. форма застежек уже в значительной степени диктовалась модой, выделить особенные черты этого своеобразного украшения женского костюма довольно сложно. Однако в качестве предварительного замечания следует указать на то, что количество и форма застежек изменяются с запада на восток региона. В Дагестане (у кумыков), Чечне, Ингушетии, судя по материалам частных и музейных коллекций, в конце XIX — начале XX в. достаточно популярными были комплекты, состоящие из 4–6 пар ажурных застежек, в очертаниях которых отчетливо прослеживаются зооморфные и особенно орнитоморфные мотивы. В Кабарде и Осетии число застежек иногда доходило до 17–19 пар, но они имели форму прямых пластинок. Подобные застежки, как отмечала Е.Н. Студенецкая, бытовали и у карачаево-балкарских женщин, при этом комплект дополнялся так называемой «шейной» крупной застежкой фигурной формы, которую закрепляли у ворота. Она имела вид двух птиц с головами, смотрящими друг на друга или повернутыми назад (РЭМ, колл. 10937-1). Иногда птицы были настолько стилизованы, что напоминали растительный мотив [Студенецкая 1989: 145].

Следует отметить, что фигура птицы — своеобразный символ женского пространства — весьма характерный изобразительный мотив, часто встречающийся на Кавказе в ювелирном

искусстве, золотошвейном орнаменте, резной деревянной утвари. Все же сочетание прямых пластинок и шейной застежки в виде птиц в оформлении нагрудника встречается не только у карачаевцев. В данном случае можно обратить внимание на форму этих птичек. У карачаевцев чаще всего птички сказочные, изящные и очевидно не хищные. Иногда, что весьма показательно, древний мотив (птичка) дополнялся более поздним — исламским полумесяцем и звездой.

Пояс являлся важнейшим атрибутом женского костюма. На праздничное платье надевался нарядный наборный пояс, состоявший из серебряных пластинок с чернением, позолотой, филигранью, либо кожаный пояс с центральной массивной серебряной пластиной с гравировкой, чернью, цветными камнями (т.н. «доска-пояс») (РЭМ, колл. 10937-2; колл. 8763-260 аб). Состоятельные женщины, разумеется, могли иметь несколько поясов различной формы, составлявших, как правило, единый в стилистическом плане комплект с нагрудными украшениями. Те, кто подобной роскоши себе позволить не мог, обходились поясами, в которых только некоторые детали были изготовлены из серебра — пряжка и накладки, закрепленные на кожаной, обтянутой тканью поясной части.

Серебряные пояса бытовали у всех народов Северного Кавказа. Однако, по справедливому замечанию Е.Н. Студенецкой, «они весьма трудны для этнографического изучения и менее всего могут считаться показателем национального своеобразия» [Студенецкая 1989: 183]. Изготавливались пояса мастерами (часто кубачинцами, лакцами, армянами) и, конечно, как ценный и нужный предмет могли быть проданы человеку любой национальности. Судя по музейным коллекциям, карачаевские ювелиры иногда копировали стили наиболее крупных центров ювелирного производства (Кубачи, Кази-Кумух), причем не только по причине их популярности, но и вследствие того, что они обучались ремеслу у кубачинских или лакских мастеров. Это означает, что мы, используя все имеющиеся в нашем распоряжении источники, можем только попытаться выделить наиболее распространенные среди карачаевских и балкарских жен-

щин формы поясов. Не случайно и авторы «Атласа одежды народов Дагестана», авторитетные специалисты в области изучения костюма — Г.А. Сергеева, А.Г. Булатова, С.Ш. Гаджиева, — при построении этнографических карт учитывали исключительно бытование, а не происхождение тех или иных элементов костюма [Булатова, Гаджиева, Сергеева 2001].

В итоге одним из наиболее своеобразных, отражающим специфику праздничного карачаево-балкарского костюма конца XIX — начала XX в. мы (вместе с коллегами из РЭМ) признали комплекс, состоящий из платья с нагрудником и поясом, шапочки, украшенной традиционным золотым шитьем, белой плетеной шелковой шали и ходуль (агъач-аякъ). Платье украшено нашивными украшениями, имитирующими вышивку, и браслетами (буунлукъ), надевавшимися (или нашивавшимися) на манжеты платья.

Таким образом, очевидно, что при исследовании этнокультурной специфики, соотношения общего и особенного в масштабе полиэтничного региона существует опасность механистической модернизации истории, т.е. переноса в прошлое ныне бытующего отношения отдельных людей и общества в целом к этнокультурным артефактам и проявлениям этнической идентичности. Объявление этого особого отношения к проблеме этнокультурной идентичности (на субрегиональном или локальном уровне) частью традиции выглядит еще более спорным. Сегодня вряд ли можно сказать, что общественное сознание ушедших эпох изучено настолько хорошо, что дает (подтвержденные источниками) уверенные ответы на все возникающие по этому поводу вопросы.

Ведь в этой связи можно задать и еще один простой вопрос. А так ли были актуальны этнические маркеры для населения Северного Кавказа в XIX в.? Был ли весь этот комплекс (этнические маркеры и иная специфика, отраженная в costume, быте и пр.) важен для людей за пределами региона? Одним словом, не пытаемся ли мы сегодня найти в прошлом то, что видим или желаем видеть сейчас?

Ответы на все эти вопросы могут быть даны только на основе обращения к массиву доступных источников (в том числе

и уже изученных), по отношению к которым применение обновленного комплекса методов этнологических исследований может принести ощутимые результаты.

Но предметы материальной культуры не существуют сами по себе, без исторического времени, без людей, их создавших, и без людей, для которых они были частью повседневной жизни. Стало быть, важным дополнением к традиционной этнографии даже в изучении такого, на первый взгляд, скромного сюжета, как эволюция костюма, вполне может — и должно! — стать привлечение результатов исследований по истории региона, социологии, социальной психологии, культурной антропологии, «филологии моды».

Библиография

- Абдулвахובה Б.Б.-А.* Одежда и украшения // Чеченцы. Сер. «Народы и культуры» / Ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова. М., 2012.
- Албогачиева М.С.-Г., Махмудова З.У.* Одежда и украшения // Ингуши. Сер. «Народы и культуры» / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. М., 2013.
- Арутюнов С.А.* Силуэты этничности на традиционном фоне. М., 2012.
- Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Пуццано, 2001.
- Гостиева Л.Б.* Одежда // Осетины. Сер. «Народы и культуры» / Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М., 2012.
- Дмитриев В.А.* Принципы изучения народного костюма в работах Е.Н. Студенцкой. К 100-летию со дня рождения // Лавровский сборник. СПб., 2009.
- Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.
- Лавров Л.И.* Северокавказские тамги // Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. М., 1986.
- Народы Кавказа. Сер. «Народы мира» Т. 1 / Под ред. М.О. Косвена, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсесова, Х.О. Хашаева. М., 1960.
- Народы Кавказа. Сер. «Народы мира» / Под ред. Г.А. Гарданова и др. М., 1962.
- Рославцева Л.И.* Одежда // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. Сер. «Народы и культуры» / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.

Сергеева Г.А., Махмудова З.У., Каракетова И.М. Одежда // Карачаевцы. Балкарцы. Сер. «Народы и культуры» / Отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М., 2014.

Список основных научных работ Евгении Николаевны Студенецкой (К 50-летию научной деятельности) // СЭ. 1988. № 4.

Студенецкая Е.Н. Украшение одежды у кабардинцев (XIX–XX) // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1949. Т. 5.

Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. Конец XVIII — начало XX в. М., 1989.

Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989.

Шиллинг Е.М. Адыгский узор // Искусство. 1940. № 3.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М., 1949.